Король Грэхем

ЕЛЕНА КАДОМЦЕВА

Финалист премии
«Волки на парашютах»
за лучший роман 2025

Елена Кадомцева
Король Грэхем

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74853236
Король Грэхем / Елена Кадомцева: Волки на парашютах; Москва; 2026
ISBN 978-5-9791-0507-9

Аннотация

Однажды черные крылья дракона накроют земли королевства, и под их тенью четыре нити – четыре судьбы – сплетутся воедино. Безымянной ведьмы с далекого севера, юного короля, гордого и прямого королевского брата и отчаявшегося умельца-ловца. Однажды прозвучит песня северного ветра, что хранит ледяные колыбели. И каждый выберет свой путь – обретет крылья или откажется от них. Однажды придет время платить за ошибки прошлого. И прореха закроется любящей рукой…

Елена Кадомцева – писатель, финалист премии «Лучший ромфант» от издательства «Волки на парашютах».

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Кадомцева
Король Грэхем

Мужу и сыну.

В соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29 декабря 2010 года маркируется знаком ***12+***

© Е. Кадомцева, текст, 2026

Пролог

Горы были так высоки, что даже короли-драконы, когда приходил их срок, летели не к этому древнему хребту, взборождившему скупые южные степи, а к далекому северному морю. Туда, во влажный седой простор, где под крылом сверкают льды, и черные точки тюленей скользят к полынье, почуяв гибельный жар…

Как давно драконы не кружили над королевством!.. Ни молодой король Грэхем, ни его отец, ни дед не смогли расправить крылья, угасла, умолкла драконья кровь… До этой зимы земли наши и не вспоминали, как темна тень от могучих крыльев, как гаснет солнце на миг, когда дракон летит над тобой!..

Старик магистр отошел от окна, глаза его слезились, грозные пики резали небо вершинами и застилали мир. Черный Дом, его последнее прибежище, стоял в долине у их подножия. Дом, построенный на заре королевства, когда первый король-дракон был юн и бесстрашен и глубоким огнем мерцал камень в его ладони. Камень, в который заключил дракон всю свою силу и суть, а сам стал человеком…

Почему он стал им? Отчего шагнул на землю, сложив крылья? Летописи молчали. А вот сказки… Старые сказки струнными голосами заплечных арф пели о том, что когда-то крылатые и бескрылые жили вместе, на одном берегу, под

ласковым южным солнцем. Под треск поленьев в очаге барды-бродяги рассказывали, как прежде драконы бороздили морские просторы, а люди возделывали щедрое побережье. И были среди них такие умельцы и мудрецы, которым ветер, вода, огонь и сама земля повиновались. И однажды та, кому все четыре стихии были подвластны, вышла в лунную ночь на берег и спела песню о том, как звенит песок под ее босыми ногами, как полнится воздух первым теплом и ароматами цветущих глициний, как море шепчет, внимая, как сам жар земной, утихает под ее рукой. Но услышал ту дерзкую песнь дракон и упал камнем в тихо рокочущие волны, и вода взыграла от его огня и гнева. Девушка-ведьма закричала от боли – кипящее море обожгло ее – но не отступила, лишь продолжила петь, превозмогая боль, и идти – шаг за шагом – в набегающие волны. Они становились все тише, остывали, возвращая огонь небесам… Она шла и пела. Вода исцелила ее ожоги, и, послушная ее слову, усмирила драконий гнев. Из моря к ней вышел не дракон, а человек с темным агатовым взглядом и черным камнем в руке… Но его, сложившего крылья ради прекрасной ведуньи, отвергли крылатые родичи. Драконы прогнали людское племя с южных берегов – гордые, безжалостные небесные твари не стерпели, что кто-то превзошел их силой. Люди перешли неприступные горы и стали жить в долинах, скрытых за их вершинами.

Так раньше пели в тавернах. Старик улыбнулся, вспоминая. А теперь и эти песни-сказки забыты. Всё забыли, да.

Долгие годы хранили стены этого замка древний кристалл, принесенный в ладони первым королем. А сила, заключенная в нем, хранила королевство. Но когда спустя века нашли драконий камень, не совладали, не сладили с этой силой… Пытались разгадать его тайну, но в своем ненасытном любопытстве лишь расщепили его. Осколки глубоко ранили сердца носивших его орденцев. Они сделали их зоркими. Они сделали их властными. Жадными. До всего, что дарит силу. Эта жажда сгубила их.

Магистр покачал головой, усаживаясь в кресло, и осторожно подобрал орденскую мантию. Орден был создан для защиты королевства и стал его опорой. Камень давал силу видеть скрытое – помыслы, тайны, намерения. Помогал находить тех, кто использовал дар для злых дел. Орденцы, хранившие осколки, могли отнимать силу и владеть ей, а такое искушение не каждый сможет преодолеть. Жажда власти погубила орден. Осколки разрущались один за другим, терялись…

Когда погас Камень, короли лишились крыльев. Король Эрехард II не смог полететь на север, как все до него в свой последний час. Он не приручил огонь, не сумел вырваться из кольца костров, зажженных на сердце-острове… Казалось, все изменилось безвозвратно, ушла сила из королевского рода, угас дар и в сердцах других людей – страх орденского суда погасил его, обессилил руки и голоса тех, кого ветер, вода, огонь и земля слышали. Рассказывали, правда, что жи-

вет еще на севере та, кто всеми стихиями повелевает, та-кто-знает… Нынче ищет ее магистр Дан, послал он в леса Охотника, что арканом прежде таких, как она, ловил, хотя ордену никогда не служил. Послал потому, что драконьи крылья вновь реют над полями. И несут они нынче смерть и боль. Смерть и боль. Ранен юный Грэхем-король, а черное чудище заняло Легкий Дом.

Глава 1
Весть

Солнце догорало на закате, когда пришла весть – упала соколиным криком и в шепоте ветвей отозвалась: «Он идет. Он идет за тобой. Охотник идет».

Ведьма набросила капюшон, обрывая разом и птичьи крики, и сосновый гул в вышине. Озноб пробежал ленточкой по спине, она поглубже засунула руки в рукава и шагнула с крыльца.

Только на дорожке, ведущей между сосен к дюнам, позволила себе выдохнуть и вдохнуть – глубоко, так, чтобы воздух обжег холодом гортань. «Охотник идет. Охотник, – она с усилием провела ладонью по онемевшим губам и торопливо спрятала руку обратно. – Тот, кто ловил людей, владеющих даром. Неужели он еще продолжает свою охоту? Но ни он сам, ни орденцы сюда никогда не приходили! Здесь и в поселке мы были свободны. Свободны от страха. И от суда. И от петли… Кто-то послал его ко мне. Но для чего?!»

Ноги сами несли ее к морю – быстрей, быстрей – и, хотя помнила каждый корень, тянущийся через дорожку, все равно споткнулась. В дюны вышла со стучащим сердцем и влагой в уголках глаз – слезы набежали из-за ветра, пробравшегося даже под меховую оторочку капюшона. Светлый пе-

сок, темные в подступивших сумерках пучки трав и море – жадно лижущее кромку берега. Рокочущее внутри ракушки и внутри сердца. Хранящее все ответы. Но сейчас оно промолчало!.. Весть ей принесли птицы. Внезапную. Оглушающую страхом. «Он идет через лес ко мне, – ведьма прикрыла глаза. – Он, наверное, уже перешел границу – там незримые колокольчики висят, вот лес и вторит птичьим крикам. Значит, он скоро будет здесь».

Ведьма резко стерла слезы с щеки, бросила взгляд на море.

«Подойти?.. Спросить? Узнать, где он сейчас вязнет в снегу? Но цена у воды высока… И ведь надо еще суметь услышать свой ответ в сотне голосов, звучащих в волнах. Память воды – что бездна. Устоишь ли ты, не ускользнешь глубину?..»

Она постояла на берегу, слушая мерный рокот волн, не пытаясь ничего услышать в нем. Сердце билось не так мерно. Там внутри теперь поселился страх и… нетерпение. Жажда узнать, поскорей узнать, зачем Охотник идет сюда. Ведьма резко повернулась и пошла по дорожке обратно в дом. Вода даст ответ – придет срок. Но сейчас она спросит у пламени.

Дома с порога она сразу шагнула к столу. Сбросила капюшон, отвела влажные волосы от лица. Подула на застывшие пальцы. Подвинула к себе оплывшую, но еще крепкую свечу в плошке. Глаза ее сузились, раскрасневшиеся после мороза губы улыбались. От уголька в печи засветила лучину,

от лучины – свечу. Тихонько опустилась на табурет, ладони плотно прижала к столу. Дыхание ее тронуло пламя, ресницы дрогнули, гася искорки в глазах.

…Огонь обуглил каменную кладку ступеней. Сожрал деревянные перекрытия, расплавил литые решетки дверей. Летняя резиденция короля. Легкий Дом. Светлый, стрельчатый, построенный для балов и свиданий. Драконий огонь станцевал в его залах, спалив все дотла. Черное чудище распласталось в долине у подножия замка, а черный конь унес поникшего седока.

Пламя погасло. Дракон! Ох… Она прижала ладони к щекам. Спросила об Охотнике, а ответ!.. Откуда в королевстве появился дракон? Последний из королей взлетел в небо сотню лет назад и улетел на север, как и все до него. И ни один из них не вернулся… Нет, черный дракон, увиденный в пламени, не прежний король. Нет, он… Что если… Если он прилетел из-за гор. Из той страны, в которую мама никогда не верила: «Это же только сказки, дочка. За горами ничего нет. И нет других драконов, кроме наших королей».

Но разве пламя солжет? Дракон прилетел и спалил старый королевский замок. А кто-то безумный и смелый проиграл ему бой и спасся бегством на верном коне. И кто-то послал Охотника ко мне.

Ведьма мяла в руках воск оплавившейся свечи. Такой мягкий, податливый, примет любую форму – и легко потеряет ее под властью огня. Сможешь ли ты так?.. Как далеко

ты сможешь зайти, разыскивая ответы?

Охотник, дракон, раненый рыцарь. Птичьи крики, летящие по ветру, ноющие обожженные пальцы. У всего есть цена. У вопроса и у ответа. Здесь на краю мира, где ветра поют в вышине и волны играют у ног, кажется, что тебе подвластно все – только руку протяни. Но там за лесом творятся события, о которых ты знать не знаешь. Отголоски их прилетают слишком поздно!

Она припечатала восковую лепешку к столу. Обвела взглядом дом, в котором провела восемнадцать лет – год за годом. Лишь она и мама. И Морис, приходивший на лодке сначала редко, а потом все чаще. Мама встречала его в бухточке неподалеку. Он передавал посылки, привозил товары из поселка. А однажды он пришел и сюда. Смущенно переступил порог, присел на лавку, чуть прищурившись, всматривался, мял шапку в руках. Здесь всегда было темно, слишком маленькое окно не впускало солнечный свет, но хорошо берегло тепло в холода. Настоящее ведьмино логово – темное, наполненное ароматами и шелестом трав. Дома пахло лесом, пахло летом, даже когда вьюга пела песню за стеной…

Ничего не поменялось за прошедшие годы. Печь в полкомнаты, лавки вдоль стен, отделенный занавеской закуток в углу – ее постель. Книги на полках, стол у окна, утварь: деревянная, медная, глиняная. Ведьмин Дом. Так звалось это место испокон веков. Из поколения в поколение жили тут ведьма и ее дочь. Потом старая ведьма уходила в ночь, а ее

преемница забывала свое имя и становилась ведьмой. Безымянной. Той-кто-знает.

Все в поселке знали это так же твердо, как и время отлива. И мама знала. Но она не была старой, когда ушла. Морщины только-только прочертили легкие линии у глаз, на лбу и от носа к углам рта… Она ушла не в ночь, нет.

Морис увез ее в поселок.

«Но я все равно осталась одна. Без мамы и без имени. Осталась, чтобы быть той-кто-знает. Но знаю ли я?.. Что я знаю? Мама так часто молчала в ответ на вопросы или сердито дергала головой в сторону двери, за которой шумело море: «Иди спроси! Тебя оно слышит, мне – никогда не отвечало!..»

Да, мама, я спрашивала его еще ребенком. Бросала камешки, а оно шуршало в ответ, и я узнавала, приплывет ли Морис на своей пузатой лодке. Я даже знала, что он везет в лукошке, тщательно прикрытом холстиной от волн. И бежала со всех ног к тебе, радостно крича. Или молчала, боясь оборвать твою надежду – ведь волны шепнули, что никого не принесут на своих спинах ни сегодня, ни завтра; что он ушел далеко, совсем в другую сторону плывет нынче старый баркас… А потом ты поняла, кто приносит мне вести, и запретила касаться воды: «Там такая глубина! Пучина! Не смей, тебе еще рано говорить с водой напрямую. Тебя унесет волной, дочка. На самое дно утащит. Знаешь, как стылы эти воды? Как пьют они жизнь и тепло!.. Нет, окрепни сперва.

Стань как этот камешек – гладкой и круглой внутри, чтобы волна омыла тебя и отпустила…»

Стала ли я такой? Едва ли. Внутри колко и звонко… А теперь еще и тревожно».

Лепешка застыла белесым пятном на столе. Она чертила узоры ногтем, воск крошился. Свеча потрескивала, догорая. Зимний день чуть удлинился, но и ему пришел конец. Вечер. Время жечь свечи, прясть, низать бусины, штопать, рассказывать сказки… «Мамино время, не мое. Ни прясть, ни штопать я не выучилась толком. Только пальцы колола, забываясь под рассказы о том, что было… Одну сказку любила я больше всех». Ведьма прикрыла глаза.

«Жил дракон в вышине, парил высоко, разил безжалостно. Однажды позвала его ведьма песней, и обернулся он человеком, променял крылья на земные дороги. По своей воле ставил он небесных братьев, да только они не простили ему предательства, как и не простили ведьме ее силы. Была она дивно хороша, высока и черноволоса, с глазами как звезды… Говорила с огнем и водой, ветром и землей, видела зорче всех, но и платила сполна за свою силу. Такой силе нужно одиночество, дитя мое. Знать больше, видеть дальше, быть в силах остановить пожар, повернуть русло в нужную сторону, найти руду, золотую и медную, поднять самоцветы из земли… В стужу на перевалах вьюгу успокоить и тем самым смерть отвести. Она многое могла. И чем больше она могла дать, тем больше у нее хотели взять. Поэтому она и

ушла на север. Оставила своего короля-дракона. Но сначала она его предала…»

«Почему предала, мама?»

«Не знаю. Мне моя мама рассказывала, но и она не знала. Только этот кусочек она в лунной книге прочла. Я так же спрашивала и сердилась, как и ты».

«Кто же знает всю сказку?»

Мама на мгновение замирала с ниткой в руке:

«Может, море знает. Но скажет ли тебе?.. А, может, сама прочтешь. – тряхнула головой. – Нет, рано! Еще рано тебе лунную книгу давать. Подождем. Это ж всего лишь сказка, дочка. Одна из многих. Давай я тебе про птичью королеву расскажу…»

«Про птичью королеву сказка была хороша, но мне нужна была та, что про ведьму и короля. Ведь она про ведьму была! Такую же, как и мы. Позже я пыталась у моря узнать – столько раз! Молчало. Завтра снова схожу. Ох, много вопросов!.. А спросить – страшно. Что ж, ведьма с королем, пожалуй, подождут».

Ведьма поднялась. Надо было подтопить печь. Запарить кашу на утро. А потом… Она бросила взгляд на недоделанную работу. Морис привез ей полный лоток глины осенью. И всю зиму она лепила. Плоские блюдца, чашки, совсем крошечные украшения – в виде листков и цветов. Надо было все их расписать и весной отвезти в поселок к гончару Мереду, чтобы он обжег их в печи. Ее зимняя забава. Ведь ни

шить, ни прясть, ни с травами возиться она так и не полюбила. Прохладная влажная глина завораживала, казалось, она пела под рукой, но потом, сухая и шершавая, оглушала молчанием. «Это дело похоже тоже не стало моим», вздохнув, она накрыла разложенные на краю стола фигурки холстиной.

Домашними делами занималась машинально, руки помнили все сами. Даже в полутьме находили нужную вещь – будь то горшок или ухват. Мысленно она была уже в завтрашнем дне. Не терпелось снова вернуться на берег.

Он встретил яростью и солью – и в воздухе, и на лице. Редкие крики чаек прорывались сквозь шум воды. Она смотрела на волны, подбегающие к ногам все ближе и ближе; вот, тронули замшу сапог, вот, заставили шагнуть назад. Гладкие камешки легко легли в ладонь. Идти, считать волны, гадать – спросить у камня или у воды?

У ветра?

Он сорвал капюшон и наполнил уши криками: «Жди, жди! Придет за тобой!»

С досадой швырнула камни, волна, словно смеясь, схватила за подол…

Ведьма отступила. Две вести было у нее. Охотник идет. И дракон прилетел. Один из тех, о ком только в сказках поется. Крылатое, древнее, беспечное племя. Вот в маминой сказке тоже был дракон… И стал он человеком. Ведьма его позвала. Кто же такой этот дракон?

Ведьма наклонилась и вновь подняла камешек, облизан-

ный пенной волной.

«Эрехард звали его».

Ветер полоснул холодом, но она сжала кулак и поднесла его к губам.

«А ее звали Эдайна».

Ведьма отняла камень от губ.

Эрехард и Эдайна, первые король и королева. Их имена были на слуху даже сквозь сотни лет, даже здесь на свободном севере помнили их!.. Но я спросила про дракона и ведьму из сказки! Значит, та сказка все же правда? И королева ведьмой была?.. Она жила на этом берегу!.. Зачем земля дала мне их имена? Их история – исток всему?.. Узнать бы ее до конца! Но для этого надо лунную книгу читать, а я не могу, не могу, не дается она мне! До сих пор! Хотя мама с такой надеждой перед уходом ее мне в руки вложила: «Может, хоть ты… Я ведь ни строчки не увидела. Ни разу».

Ведьма нахмурилась, спрятала озябшую руку в рукав и медленно пошла к дюнам. Камешек все еще холодил ладонь. Я получила ответы. Да не те, за которыми шла. Она усмехнулась. А, может, они самые нужные? Вряд ли даже вода поведает мне, откуда прилетел дракон и зачем Охотник идет. Это я и у него самого смогу спросить. Когда придет.

Она взобралась на песчаный холм и выпрямилась. Он скоро будет здесь. Хорошо, что мама ушла. Хорошо, что Морис с ней. Она не узнает, каково это – быть пойманной. Хотя, говорят, его петля милосердней орденского суда. Жест-

кая улыбка скривила губы. Орден Камня. В поселке живут те, кто бежал от его суда. Они рассказывали, что орденцы всегда едут втроем или вшестером. На них серые шерстяные плащи с капюшонами, серые дублеты и стальные наручи. Серебряная пряжка у ворота… Рядовые были выучены ловить. Судить мог только магистр – тот, у кого был камень. Он ехал четвертым или седьмым. И если тебе повстречалось семеро, то беги, ибо суд будет скорым, не довезут до площади в столице, где от короля еще была возможна милость, но от ордена – никогда. Камень забирал все. Орденцы расползлись по королевству, и те, кто встречался с ними, уже никогда не были прежними – они становились пустыми… Охотник не забирал дар себе, только связывал…

Она повела плечами, пытаясь согреться и стряхнуть липкое ощущение страха. Ей нечего бояться! Уже много лет как орден был распущен. Почти. Существовал, но не действовал. Да только нынешний король зачем-то набрал новых орденцев. Впрочем, в поселке говорят, что это не он. Он слишком молод, за него правит брат. Брат-бастард. Новый магистр проклятого ордена!

Она резко отвернулась и пошла к соснам, за которыми пряталась тропинка. Если она дочь этого берега, та-кто-знает, ведьма из Ведьминого Дома, то она встретит Охотника. Кто бы его не послал за ней. А потом узнает, откуда прилетел дракон и зачем.

Глава 2
Ведьмин Дом

На следующий день ветер утих. Облака затянули небо недвижимой пеленой, но к закату уползли за край, и солнце щедро золотило берег. Тени от сосен лежали черные и длинные. Перешагивая через них, она спустилась к морю. Волны молчали, камни тоже, ни одна птица не уронила ей перо на плечо, у огня она и сама бы едва ли решилась спросить еще раз – обожженные пальцы разнылись. Прежде такого не случалось. Но и дракон прежде не являлся ей в пламени. Столько всего за пару дней! Нет, сегодня она будет слушать только себя.

Ведьма присела на камень и пересыпала песок из ладони в ладонь. Он смерзся комками, и она дробила их, легонько сжимая. Старенькие перчатки с обрезанными пальцами совсем обтрепались по краям. Юбка тоже. Вон сколько сосновых соринок несет подол. Надо бы подрубить заново, но ее руки плохо управлялись с иглой. Песок сыпался из ладони в ладонь. Шуршал. От поселка сюда через лес идти. Там и дороги-то нет. Тропа. От дерева к дереву. Между соснами. По краю оврага и через него. С мамой ходили летом. А обратно Морис вез на лодке. Сейчас там все переметено, до самых плеч снегом засыпано…

«Но он пройдет», – ей песчинка шепнула.

Ведьма песок горкой у ног ссыпала. Руки отряхнула.

«Пусть подольше ходит!»

Она вернулась домой. Почти весь уют ушел вместе с мамой. Тканые коврики, занавески, шитое из лоскутов покрывало она забрала с собой. Но большинство трав осталось – свисали с потолочных балок, и старая мебель, с затершимися углами стояла там же, где всегда, книги в прошитых кожаных обложках теснились на полке. Сплошные стопки рецептов отваров и мазей да сборники трав. И дневники. С рассыпающимися страницами. Чужая жизнь. Ее писали отдельно. А вот общие тайны доверяли лунной книге. Книге, что потом сама выбирает, кому доверить и что. Поэтому мама и не смогла продолжение сказки узнать, а вместе с ней и дочь… Ах, если б Эдайна поделилась своей тайной не только с книгой! Тогда, быть может…

Нет. Ведьма стянула отсыревшие перчатки и комком бросила их на скамью у входа. Не может ничего быть, кроме того, что уже есть. Охотник идет к ней. Его послали за чем-то важным… И срочным. Через зимний лес. Древний лес. Ее лес. Если он сумеет отыскать дорогу, ведьма примет его. В груди остро тревожно кольнуло. Ведьма торопливо шагнула от порога, стянула шаль, расстегнула жилетку. Заглянула в печку, всплеснула руками – опять чуть не выстудила дом! Огонь едва теплился. Подбросила дров и подскочила к столу, ломтем вымакала остывшую похлебку. Спешила в круго-

верти домашних дел сбыть свою тревогу.

Она заварила чай с можжевеловыми ветками. Замесила тесто – вода, молотые орехи, мед – липкая, вязкая данность, которую ты меняешь, то подсыпая горстку муки, то добавляя жидкий сироп… Поставила ближе к печке. Но все привычные действия не вернули ей уверенности. Чтобы обрести ее, нужно другое. Ибо и день был другим. Ей казалось, что изменилось само время. Его ход. Словно огромное колесо перемололо, стерло наконец в труху щепку, попавшую между зубцами, и снова начало движение. И, пока ее руки сметают крошки со стола и оттирают масляные пятна, где-то набирают оборот события, о которых она знать не знает, но их отголоски уже накрывают волнами край мира, тревожат Ведьмин Дом и птиц, несущих вести, и даже море, что молчало сегодня…

Ведьма сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела, как медленно оплывает воск свечи. Дома снова стало тепло. За заслонкой потрескивали дрова, пирог остывал на столе. Мышь тихонько скреблась в подполе. Где-то в вышине снова выл ветер и гасил звезды облаками. Обычно они с мамой коротали вечера за работой – трепали шерсть, а потом мама пряла. Или перебирали травы, обновляя списки. Мама говорила, что сейчас не те времена, ничто не отзовется уже – ни камень, ни вода, ни былинка. Что все, что мы можем, – это знать, что «душица от кашля хороша, а крапива кровь останавливает». Это и любой девчонке лесной из-

вестно! Дочь угрюмо косилась, ей не давались эти знания – лес оставался ворохом листвы и трав, одинаковых, непонятных, ненужных. Она путала ольху и осину, а десятки других даже не пыталась запомнить – здесь они не растут. Здесь – можжевельник, сосны и ели. Она любовалась оттенком мха на коре. И слушала, как он растет, напитываясь влагой. Она знала, что любая былинка, откроется ей, стоит лишь позвать. Для этого нужно было рукой провести, чувствуя гладкую или шершавую, плотную или тонкую, колючую или бархатистую, пахнущую дождем или свежестью поверхность листа. А названия, что упорно зубрила под диктовку матери – совсем не держались в голове.

Но сейчас она готова была бы слушать их вновь, лишь бы не быть одной в этот вечер! Слишком громко стали звучать голоса тех, кто знал и помнил больше нее. Ветер загудел, обвивая трубу на крыше, и принялся напевать другую песню – колыбельную. Спи, ведьма, не тревожься. Я побуду с тобой. Я усмирю их – забудь, что шептали волны, чем пламя дразнило, о чем птицы кричали…

Чуть трещали угли в печи, рассыпаясь искрами, огонек свечи вытянулся и лег плашмя от сквозняка.

…Черная тень под черными плотными облаками пронеслась над лесом, заложила круг в вышине и вернулась к замку – две башни у него рухнули, а одна стоит… Тот, кто не спит, тот знает. А кто спит, лишь узнать желает. Тот, кто пойдет – найдет… Тот, кто рискнет – не обязательно все потеряет.

Слышишь, ведьма?

Пламя свечи взвилось и погасло. Ведьма, вздрогнув, проснулась. Она лежала на боку, тесно прижимая руки к груди. Сердце билось о ребра. А над крышей больше не пел свою песню ветер.

* * *

Ночь сменится днем, потом день переплавится в ночь, и вновь – будет катиться солнце-клубок через все небо и за море. Сколько дней еще ждать мне?

Ведьма стряхнула крошки с ладони на снег. Солнце светило щедро сегодня, и наметенный у стены сугроб схватился ледяным кружевом. Она стояла на крыльце, радуясь этому внезапному теплу. Скоро, уже скоро капли с крыши будут падать тяжело и звонко на каменные плиты у порога и под окном. Ведьма вдруг поняла, что впервые может не услышать эту капель. Не увидеть, как взойдут примулы у тропинки… Каждую весну она ждала этих простых перемен, и ожидание неизменно оправдывалось. А теперь вдруг захотелось иного – сойти с крыльца и идти, идти, не оборачиваясь. Оставить дом. И встретить весну на другом берегу, в другом лесу, узнать, как встречают ее за крепостными стенами, в городе, там, где нет ни травы, ни цветов, но солнце, наверняка, точно так же греет щеки и топит снег на карнизах, превращая его в ледяную бахрому.

Она помнила свое пытливое, чисто детское любопытство: каков мир за пределами их лесного дома? Что там за морем? Какие дороги откроются, если пройти через лес? И это были единственные вопросы, которые ее мать не оставляла без ответа. Она отставляла плошку с перетертыми кореньями или опускала руки на колени, оставляя станок с натянутыми нитями и заправленным челноком ждать. И, прикрыв глаза, рассказывала. О том, что если идти долго-долго, так долго, что снашиваются башмаки и лето кончается, то можно выйти к старой деревянной крепости, брошенной и забытой. Могучей, сложенной из бревен, окна в ней с резными наличниками, ворота украшены рунами и узорами. Дерево потемнело от времени, его источил короед, но оно еще хранит былую красоту, помнит прикосновения острого резца и силу верного слова… «Эту крепость, должно быть, совсем поглотил лес теперь. Но я видела ее, я гладила перила, по которым скользили сотни ладоней до меня, я считала ступени, по скрипу угадывая – выдержат ли или с треском провалятся?..»

– Дальше? Что там дальше, мама?

– Там дальше дорога. Старый тракт, вымощенный так крепко, что и лес не одолел его. Он ведет к озеру. Огромному, как море, с водами сверкающими, как начищенная сталь. Зеркальным называют его… А от озера разные дороги – к Легкому Дому, к столице, где теперь живут короли, к дальним долинам, по которым струятся безымянные реки… Я

там не бывала.

И улыбка матери угасала, руки суетливо возвращались к прерванной работе. Глазами она искала маленькое оконце, чтобы с тоской взглянуть туда, на дорогу, по которой однажды ушла, оставив дом и берег, запорошенный сосновыми иглами…

Под мамины рассказы она рисовала карту на любовно выглаженном куске бересты. Она дополняла ее, скользя над королевством вместе с птицами, что приносили ей сказки и слухи и оставляли на память перышки. Их глазами она видела пестрые постройки Дивного Дома, корабельные верфи Закатного, путанные улочки Речного Дола, осыпающиеся стены Черного Дома – размытые картины, выхваченные в быстром полете…

Что ж. Скоро ты сможешь увидеть все это сама. Осталось немного. Ожидание наполнило ее до краев в эти дни – как молоко кувшин – еще чуть-чуть и польется через край. Пусть уже скорее он придет! И колесо опишет очередной круг.

Ведьма поправила шаль и посмотрела на сосны, озаренные солнцем. Теперь она старалась не выходить из дома в ночь – под яркий налитой месяц. После того, как черный дракон проник в ее сон, мир ночью стал для нее нестерпимо огромным, а все границы – тонкими как паучья нить – чуть коснешься, и пелена прорвется. Звезды посыплются с небес, море взовьется и лизнет порог, и все тайны станут явными. Но она не устоит. Нет, в этом месте собралось слишком мно-

го силы, слишком много давних знаний и тайн. Ей одной – не принять их сейчас. Ведьма впервые боялась. Боялась быть той, кем, казалось, была рождена – той-кто-знает. Ей хотелось простых дорог, а не тех, которыми ходят, в поисках силы и правды. О, она сбережет, сбережет все, что ей завещано – и лунную книгу, и тяжелое черное с серебром платье, которое мама не смела тронуть. Если понадобится, возьмет их с собой. Но коснуться, как раньше – беспечно, бесстрашно, играючи – не сможет, нет… Ах, какой смелой и всемогущей она чувствовала себя в прошлое полнолуние! Смеялась и вторила волнам, думала, что способна до всего дотронуться и ответ получить. Теперь же спрашивать просто так было глупо. И опасно. Не зря ноют обожженные пальцы. О, теперь ей очень-очень хорошо придется вопросы выверять, а сперва слушать и понимать, о чем ты на самом деле ты хочешь узнать. О себе или о путнике? О сказке, оборванной на полуслове? О драконе?..

Или о драконах? Неужто от древнего племени уцелел только один?

Она поискала глазами бледную почти круглую тень над соснами. Полная луна будет совсем скоро. Хватит ли ей смелости в лунную книгу заглянуть? Даст ли ей книга хоть строчку прочесть из тех, что писались в такую же ночь?

Глава 3
Осколки

Ни в одной летописи не упоминалось, откуда пришли люди, основавшие королевство, но по преданиям все знали – они пришли из-за гор. Они проложили дорогу там, где ее не было, по самым крутым склонам, по вечным снегам, меж ледников, полных ловушек и расщелин. Горы хорошо хранили свой покой, лишь однажды пропустили вереницы путников, а потом плотнее сомкнули ряды, и осыпалась та тропа, скрылась, слизанная лавинами. Больше черные склоны с белыми вершинами никого не пропустят.

Люди спустились в равнины и начали строить себе новые дома. Первая крепость была сложена из черного камня. Так и назвали ее – Черный Дом. Вокруг Черного замка не вырос город – слишком близко были темные громады гор, слишком скудна и камениста почва. Жить здесь удачливые и смелые не захотели – ушли в долины, к рекам и лесам, к озерам, богатым рыбой.

Магистр Дан отложил свиток с описанием Черного Дома. Сейчас он совсем обветшал, с крыш облетает черепица, но гранитные стены по-прежнему высоки и крепки. За ними хранятся архивы. История королей-драконов. В ней много пробелов и темных пятен. Дан вздохнул. Слишком мно-

го. Нелепостей тоже хватает. Чего стоит утверждение магистра Элдана, что наши земли покоятся не у подножия горного хребта, а у хребта великого каменного дракона, спящего сотни веков. Дан предпочитал верить, что мир простирался дальше, намного дальше, чем земли королевства, ограниченные неприступными горами на юге и коварными морскими течениями на западе. Он бы хотел пройти через могучие горные пики, чтобы посмотреть, что там – на другой стороне мира, какое море, лижет там прибрежный песок. Хотел бы выйти и в западное море и пробиться через кольцо рифов и течений, закрывающих путь. Но все, что ему доступно сейчас – выведено чернилами по воловьей коже. Это, да еще история Домов королевства, написанная не словами, а узором каменных стен, шпилями, витражами.

От Черного Дома цепью – влево и вправо – тянулись крепости знатнейших семейств. Они поднимались все выше к северу, образуя «рога» полумесяца. И если города и поселки росли хаотично – у рек, в плодородных долинах, на пересечении торговых путей, то Дома строились строго – четко выверенные расстояния, схожие пропорции и материал. Вот они все.

Дивный Дом. Огромная крепость, имение, переросшее в город. Красивейшая плодородная долина между двух рек, Сестер – Звонкой и Гулкой. Самый богатый и влиятельный Дом королевства, контролирующий сухопутные и речные торговые пути. За ним шел Речной Дол, стоявший в ме-

сте слияния Сестер, сейчас находился под негласным покровительством лорда Дивного Дома или, как его еще называли, соколиного лорда. Большого любителя птичьей охоты, как все в его роду. Если верить преданиям, основателем этого рода был отец первой королевы. Умелый заклинатель ястребов, соколов, орлов. Именно птицы открыли ему изобильную долину в междуречье, подсказали путь к ней.

Закатный Дом уступал Дивному в могуществе и богатстве, но зато был крупнейшим портом на всем западном побережье. Его верфи выпускали суда во все концы королевства. Здешние мастера и моряки слыли лучшими. Ну а лорда Закатного Дома за глаза называли сэром Рыбная бочка. Род основателя этого Дома прервался тридцать лет назад, место главы занял самый влиятельный человек в городе, владелец рыболовецких судов и сотен искусных сетей. Джо-капитан было его имя в молодости. А стал он сэром Джоном Закатным.

Эти три Дома составляли оплот королевства. Легкий Дом, основанный как столица в первые десятилетия правления короля Эрехарда, позже стал всего лишь летней резиденцией. Впрочем, сейчас он перестал быть и ей… Стал прибежищем дракона. Логовом, из которого он пока не показывается. Быть может, схватка не прошла для него бесследно… Магистр повел плечами – все никак не мог согреться после ледяной стылости подвала.

Он еще раз прошелся взглядом по карте. Был еще один

Дом – вернее даже два, если верить недавно найденному наброску. Однако, на официальных картах, висевших здесь, в Белой башне, и в покоях короля всегда был обозначен только один – Верхний Дом. Ныне практически стертый с лица земли. За ним были только древние леса севера, непроходимые и свободные. Дом этот был построен одним из первых. Сам король Эрехард отправил в ту глушь людей. Указал точку на карте и велел заложить крепость. И люди сделали ее, сложив из мощных кедровых и сосновых стволов. Заговорили доски, и крепость простояла сотни лет, пока ее, сделанную из леса, не поглотил лес… Люди из гарнизона, часто присылаемые сюда насильно, за провинность, по одному и группами уходили через бурелом на север. Они расселились в поселках на побережье. Позже именно там скрывались те, чей дар привлек внимание ордена.

Магистр поморщился и отвернулся от карты. Орден Камня был основан как поддержка королевской власти, ее справедливая десница, следящая за порядком, выискивающая угрозу и пресекающая ее. Магистр Данрок утверждал, что Камень всего лишь дает силу видеть скрытое – все тайные дурные помыслы, измышления, умения – и только для этого стоит использовать его. Однако именно умения стали конечной целью орденцев. Дар, скрытый в сердце и в руках. Даже самый малый осколок Камня, направляемый магистром, поглощал его без остатка. Дан украдкой взглянул на свои пальцы, кончики которых привычно кольнул холод… Воины, но-

сившие эти осколки и собранные, чтобы защищать королевство и его подданных от предательства, сами начали сеять зло и страх вокруг себя. И это привело к расколу. Орденцев ненавидели и боялись. Так боялись, что страх задушил дар – дети стали рождаться глухими к голосам стихий, перестали мастерить диковинные вещи и орудия.

Что же положило начало всему этому?

Дан вспомнил, как в один из приездов в Черный Дом раздраженно сетовал на бесполезность всех стопок и свитков, а магистр Элдан вдруг рассмеялся и попросил показать те осколки, которые удалось найти. На затянутой белым сукном перчатки ладони черными звездами рассыпалась горсть камешков. Их чернота была непроницаемой – темнее зимней ночи, темнее дна пустого колодца…

«Если ты вырвешь все страницы из книги и рассыплешь их по полу, они смешаются и станут бесполезны, пока их не склеишь вновь, восстановив порядок. Но бывает так, что рассыпанное невозможно собрать заново. Так было и с Камнем. Единая сила, разбитая чужой волей, стала гаснуть… Вот он – переломный момент, который ты ищешь. Камень – расколотый на сотню частиц, перестал служить одному человеку, достойному той силы, что была заключена в нем, он начал служить многим, и не всегда их сердца оказывались достаточно честны, смелы и отважны, чтобы слышать голос, поющий о безграничной власти, и не поддаться искушению…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.